

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ПУШКИН

И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

Избранные труды
(1898—1928)

Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»

Пушкин и Ефим Петрович Люценко

В январской книжке «Библиотеки для чтения» 1836 г. появилось следующее сообщение от редакции: «Важное событие! А. С. Пушкин издал новую поэму под заглавием „Вастола, или Желания сердца, Виланда“. Мы еще ее не читали и не могли достать, но говорят, что стих ее удивителен. Кто не порадуется новой поэме Пушкина? Истекший год заключился общим восклицанием: „Пушкин воскрес!“»

Эти строки были вызваны появлением в конце 1835 г. небольшой книжки, около ста страниц, носившей заглавие: «Вастола, или Желания. Повесть в стихах, соч. Виланда. В трех частях. Изд. А. Пушкиным». Вполне естественно, что имя великого поэта, выставленное на заглавном листе, должно было привлечь внимание журналистики на вновь вышедшую книгу. Но критики и рецензенты были поставлены в совершенное недоумение, когда вместо прекрасных стихов Пушкина они нашли вирши, напоминающие, по выражению Белинского, «времена Тредьяковского и Сумарокова»¹. Глава русской журналистики, знаменитый в свое время барон Брамбеус, с радостью воспользовался «Вастолой» как предлогом, чтобы унизить в глазах публики Пушкина, получившего в это время высочайшее разрешение на издание «Современника», в котором Сенковский опасался найти соперника «Библиотеке для чтения».

Во второй книжке своего журнала Сенковский поместил рецензию на «Вастолу», в которой, с присущим ему юродством, не лишенным, однако, желчного остроумия, старался доказать, что переводчик поэмы не кто другой, как сам Пушкин.

«Певец „Кавказского пленника“, — писал он, — сделал в новый год непостижимый подарок лучшей своей приятельнице — доброй, честной русской публике. Та, которая любила его, как своего пер-

¹ Молва. 1836. № 2. С. 58—64.

венца, любила так искренно, так благородно, так бескорыстно; та, для чьего сердца имя его было нераздельно с драгоценнейшей вещью в мире — славою своего отечества; та самая, в возврат за свои нежные чувства, заслуживающие всякого уважения, получила от него, при визитном билете, „Востолу“ с двусмысленным заглавием. Первым ее делом было — посмотреть в календарь, не пришлось ли в нынешнем году в новый год первое апреля, нет, первое апреля будет первого апреля, а теперь — начало января, время изливания дружеских чувствований, время поклонов с почтением и всяких маскараров. Бедная русская публика не знала, что делать, — гневаться ли за эту мистификацию, или „приказать кланяться и благодарить и в другой раз к себе просить...“. Посланец отпущен был без ответа.

Для многих, — продолжает Сенковский, — еще не решен вопрос о „Востоле“. Каждый по-своему толкует слово „издал“, которое, как известно, принимается в русском языке также в значении — написал и напечатал. Одни утверждают, что это действительно стихи А. С. Пушкина; другие, — что она не его, а он только их издатель. Трудно поверить, чтобы Пушкин, вельможа русской словесности, сделался книгопродавцем и „издавал“ книжки для спекуляций. Мы сами сначала позволили себя уверить, что Александр Сергеевич играет здесь только скромную роль издателя, но один почтенный „читатель“ убедил нас в противном... После этого я не смел и сомневаться, чтобы „Востола“ не была действительно произведением А. С. Пушкина... Я читал „Востолу“. Читал и вовсе не сомневаюсь, что это — стихи Пушкина. Пушкин дарит нас всегда такими стихами, которым надобно удивляться, не в том, так в другом отношении.

Некоторые, однако, намекают, будто А. С. Пушкин никогда не писал этих стихов, что „Востола“ переведена каким-то бедным литератором, что Александр Сергеевич только дал на прокат ему свое имя, для того, чтобы лучше покупали книгу, и что он желал сделать этим благотворительный поступок. Этого быть не может! Мы беспрельдно уважаем всякое благотворительное намерение, но такой поступок противился бы всем нашим понятиям о благотворительности, и мы с негодованием отвергаем все подобные намеки, как клевету завистников великого поэта. Пушкин не станет обманывать публики двусмысленностями, чтобы делать кому добро. Он знает, что должен публике и себе. Если бы в слове „издал“ и не было двусмысленности, если бы оно и принято было здесь в самом тесном его значении, он знает, что человек, пользующийся литературною

славою, отвечает перед публикою за примечательное достоинство книги, которую издает под покровительством своего имени, и что, в подобном случае, выставленное имя напечатлевается всею святостью торжественно данного в том слова. Он охотно вынет из своего кармана тысячу рублей для бедного, но обманывать не станет ни вас, ни меня. Дать свое имя книге, как вы говорите, „плохой“ из благотворительности?.. Невозможно, невозможно! Не говорите мне даже этого! Не поверю! Благотворительность предполагает пожертвование труда или денег, чего бы ни было, — иначе она не благотворительность. Согласитесь, что позволить напечатать свое имя не стоит никаких хлопот. Александр Сергеевич, если бы пожелал быть благотворителем, написал бы сам две-три страницы стихов, и они принесли бы более выгоды бедному, которому бы он подарил их, чем вся эта „Вастола“. Люди доброго сердца оказывают благотворительность приношением нищете какого-нибудь действительного труда, а не бросая в лицо бедному одно свое имя для продажи, что равнялось бы презрению к бедному и презрению к публике, к вам, ко мне, ко всякому. Нет, нет! клянусь вам, это подлинные стихи Пушкина. И если бы даже были не его, ему теперь не оставалось бы ничего более, как признать их своими и внести в собрание своих сочинений. Между возможностью упрека в том, что вы употребили уловку (рука дрожит, чертя эти слова), и чистосердечным принятием на свой счет стихов, которым дали свое имя для успешнейшей их продажи, выбор не может быть сомнителен для благородного человека. Но этот выбор не предстанет никогда Пушкину. „Вастола“, мы уверены, действительно его творение. Это его стихи. Удивительные стихи!»

Этот отзыв Сенковского до крайности раздражил Пушкина и, как увидим ниже, едва не кончился для него трагически.

Белинский, в вышеупомянутой рецензии своей, напечатанной в «Молве» при «Телескопе», тоже выражал недоумение по поводу появления «Вастолы» в связи с именем Пушкина; но недоумение его было искреннее, чуждое той злой иронии, которую мы видим в статье Сенковского. «При настоящем двусмысленном состоянии нашей литературы, — писал Белинский, — появление почти каждого нового произведения сопровождается какою-нибудь странною и совсем не литературною историею; то же случилось и с „Вастолою“. Пушкин — издатель или автор этой поэмы? вот вопрос. Мы не хотим решать его; нам нет дела до частных, домашних обстоятельств, со-

единенных с появлением того или другого сочинения; мы видим книгу и судим о ней. Да! так бы должно быть, но случай-то вовсе из рук вон! Мы скорее поверим, что какой-нибудь витязь толкучего рынка написал роман, который выше „Ивангое“ или „Пуритан“, драму, которая выше „Гамлета“ и „Отелло“, чем тому, чтоб Пушкин был переводчиком «Васто́лы». Пушкин может быть ниже себя, но никогда ~~не~~ ниже Сумарокова. Равным образом, мы никогда не поверим и тому, чтобы Пушкин выставил свое имя на негодном рыночном произведении, желая оказать помощь какому-нибудь бедному рифмачу; такого рода благотворительность слишком оригинальна; она похожа на сердоболие начальника, который не хочет выгнать из службы пьяного, ленивого и глупого подьячего, не желая лишиться его куса хлеба. Конечно, может быть это сравнение покажется неверным, потому что оба эти поступка, по-видимому, имеют мало сходства; но я думаю, что они очень сходны между собою, и именно тем, что равно незаконны при всей своей законности, неблагонамеренны при всей своей благонамеренности, и тем, что, как тот, так и другой, лишены здравого смысла. Итак, очень ясно, что последний слух лжив, по крайней мере мы так думаем вследствие нашего глубокого уважения к первому русскому поэту»

Далее Белинский приводит две причины, по которым считает невозможным, чтобы Пушкин был переводчиком «Васто́лы». Во-первых, потому, что ее автор — Виланд — «немец, подражавший или, лучше сказать, силившийся подражать французским писателям XVIII века, немец, усвоивший себе, быть может, пустоту и ничтожность своих образцов, но оставшийся при своей родной немецкой тяжеловатости и скучноватости». Да и сама «Васто́ла», по его мнению, «просто пошлая и глупая сказка, принадлежащая к разряду этих нравоучительных повестей (*contes moraux*), в которых выражалась, легкими разговорными стихами, какая-нибудь пошлая, ходячая и для всех старая истина практической жизни...». «Теперь спрашивается, кто может предположить, чтобы Пушкин выбрал себе для перевода сказку Виланда, и такую сказку?.. Вторая причина, — продолжает Белинский, — заставляющая нас не верить, как нелепости, чтоб Пушкин был переводчиком „Васто́лы“, заключается в достоинстве перевода, в этих стихах, которые Русь читала с восхищением при Сумарокове, которые стали забываться с появления Богдановича, и о которых совсем забыла с появления Пушкина...»

Беспристрастный отзыв Белинского, конечно, был верен и вскоре подтвердился объяснением самого Пушкина, который, в первой же книжке «Современника», вышедшей в апреле 1836 г., сделал следующее заявление, с целью прекратить всякие толки и пересуды, главным образом ввиду недоброжелательного к нему редактора «Библиотеки для чтения».

«В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель „Востола“ хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения с согласия или по просьбе автора до сих пор никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано. В том же журнале сказано было, что „Востола“ переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему на прокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей. Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни от кого бы то ни было.

После такого объяснения не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. Жалеем, что искреннее желание ему услужить могло подать повод к намекам столь оскорбительным» (XII, 26).

Выходка Сенковского, сильно раздражившая Пушкина, едва не повлекла за собою еще больших неприятностей, а могла кончиться и трагически. С. С. Хлюстин, приятель Александра Сергеевича, завел однажды при нем разговор о «Востоле» и начал приводить замечания Сенковского, несколько не разделяя его мнения и не желая оскорбить Пушкина. Одно уже имя Сенковского привело Пушкина в бешенство, и он ответил Хлюстину дерзостью, за что и был вызван на дуэль, которая, однако, не состоялась¹.

Благодаря заявлению Пушкина повод к разного рода толкам и сплетням был устранен, но имя переводчика еще долгое время оставалось неизвестным. Так, Я. К. Грот в письме к П. А. Плетневу из Гельсингфорса от 6 октября 1845 г., спрашивал своего корреспондента об имени переводчика «Востола», на что Плетнев отвечал ему

¹ Переписку их по этому поводу см.: XVI, 79—82.

так: «„Вастолу“ Виланда перевел какой-то бывший некогда учитель Пушкина (не могу вспомнить теперь его фамилию); он состоял в первые годы членом „Общества соревнователей Просвещения и Благотворения“, после служил в военном министерстве чиновником и по общей слабости чиновников из класса ученых, попивал. Ему-то Пушкин и позволил назвать себя издателем его перевода»¹.

Но частная переписка двух лиц, конечно, не могла быть известна публике, почему и позже, в 1846 г., известный библиограф Иван Павлович Быстров, поместивший в «Отечественных записках»² «Заметки для будущего издателя Пушкина», опять высказал предположение, что перевод «Вастолы» мог принадлежать Пушкину. П. В. Анненков³, не считая Пушкина переводчиком этой поэмы, полагал, что некоторые места ее были исправлены им, с чем, однако, трудно согласиться: «ex ungue leonem»...

В 1888 г. «Земляк из-под Глухова» напечатал в «Киевской старине»⁴ заметку, в которой положительно утверждал, что переводчиком «Вастолы» был *Ефим Петрович Люценко*, основывая это сведение на каком-то печатном некрологе, которого, однако, нам не удалось найти ни в одной из газет или журналов того времени.

Это же сведение целиком можно найти и в рукописных материалах митрополита Евгения Болховитинова, хранящихся в Императорской публичной библиотеке. Здесь находится заметка о жизни и сочинениях Е. П. Люценко, по-видимому автобиографическая, писанная около 1810 г., в которой, среди сочинений ненапечатанных, указан, между прочим, перевод: «Перфонтий и Вастола, шуточная повесть вольными стихами с немецкого, из стихотворений Виланда, 1807 года». Погодин, издавший в 1845 г. «Словарь русских светских писателей» дословно по рукописи митрополита Евгения, оконченной еще в 1812 г.⁵, не вносил в нее никаких позднейших дополнений, почему в список трудов Люценко не вошла и «Вастола», изданная лишь в 1835 г.

«Вастола», содержание которой заимствовано из «Пентамерона», или «Cunto delli Cunti di Gian Alesio Abbatutis», — сборника неа-

¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 580, 583.

² Т. 55. № 4. С. 114. Литературные и журнальные заметки.

³ *Анненков П. В.* Материалы для биографии Пушкина. СПб., 1855. С. 415—416.

⁴ Т. 20. Документы, известия и заметки. С. 39—40.

⁵ Сборник 2-го отделения императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. 5. Вып. 1. С. 269.

политанских народных и детских сказок, но не прямо, а через посредство сокращенного перевода с итальянского, напечатанного в «Bibliothèque Universelle des Romans» 1777 г. (июнь и сентябрь)¹, — относится к тому периоду литературной деятельности Виланда, когда он, испробовав свои силы в драме и сатире, обратился к сказочному эпосу, взяв за образец французские *fabliaux* XI—XV вв., обработку которых он завершил «Обероном»², представлявшим собою переходную ступень к новому немецкому романтизму.

Содержание «Вастолы», или, как она называется у Виланда, «*Per-vonte, oder die Wünsche*», состоит в следующем.

В Италии, в Салерно, «в глубокой древности, во дни златаго века», жил король, у которого была красавица дочь, по имени Вастола. Много женихов съезжалось в Салерно со всех концов мира просить руки царевны, но тщетно: она отказывала всем. Около того же города жила одна бедная старуха-мещанка; у нее был сын Перфонтий, парень уродливой наружности, дурак и лентяй. Однажды старуха послала сына в лес за хворостом. Перфонтий, наломав связку, уже собирался идти домой, как увидел трех красивых девушек, спящих на лужайке под палящими лучами солнца. Перфонтий, чтобы защитить их от жара, осторожно начал делать над ними шатер из веток, но своим грубым смехом разбудил незнакомок, которые стали благодарить его за заботливость о них и заявили, что они волшебницы. Обещав Перфонтию в награду за его услугу исполнять все его желания, красавицы исчезли. Перфонтий, собрался уходить и, без намерения проверить слова волшебниц, выразил желание, чтобы приготовленная вязанка сама доставила бы его в хижину матери.

Едва сие словцо склеилось, загремело
В Перфонтьевых устах, —
Зашевелилась вдруг, как тело,
Охабка дров в его руках;
Меж лядвий нашему герою
Скользит, вертится и стрелюю

¹ См.: K. M. Wieland's sämtliche Werke. Wien, 1811. Bd 18. S. 81.

² На русский язык переведен Михаилом Чулковым (М., 1787). Что касается других русских переводов из Виланда, во множестве изданных у нас в конце прошлого и начале нынешнего столетия, то все они, по выражению Карамзина, «не могут нравиться тем, которые знают оригинал» (*Карамин Н. М. Письма русского путешественника*. СПб., 1884. Т. 1. С. 140).

Под восхищенным седоком
Летит чрез реки, лес и горы,
Шумит лишь воздух.

Вастола, окруженная блестящею свитою придворных, сидела во дворце у окна в то самое время, как Перфонтий пролетал мимо, и, пораженная его некрасивой наружностью, не могла удержаться, чтобы не назвать его вслух уродом.

«Так я урод, так я повеса, —

прокричал ей Перфонтий:

Сударыня, ты слишком зла.
Ах, как бы я желал, лебедка белокрыла,
Чтоб пару ты повес подобных мне родила!»

Его желание сбывается, и у Вастолы рождаются две девочки. Король в страшном горе. Проходит семь лет, девочки растут. Между тем один из придворных мудрецов говорит королю, желавшему знать имя виновника его несчастья, что дети по инстинкту могут узнать отца среди тысячи людей. С этой целью для всех подданных устраиваются балы, на одном из которых девочки действительно узнают отца в Перфонтии. Король в страшном гневе сажает его с Вастолою и детьми в бочку и бросает в море. Здесь Вастола напоминает, что она когда-то видела Перфонтия, и узнает от него о даре волшебниц. По желанию Перфонтия они получают роскошный корабль, пристают к берегу и помещаются в прекрасном дворце. Перфонтий, по желанию Вастолы, становится красавцем, умником и исполняет все прихоти безрассудной жены. Последняя думает только о своих удовольствиях, обзаводится другом сердца — Клавдием и уезжает в Рим и Венецию на празднества. Выведенный из терпения причудами своей ветреной и чувственной Вастолы, Перфонтий обращается к волшебницам с последней просьбою — возвратить его в то состояние, в каком он был прежде, год тому назад. Волшебницы исполняют его желание, оставив за ним дарованный ему ум. А Вастола, в свою очередь, переносится в Салерно,

Опять отцом своим любима,
Краса Салернского двора,
Где съездам прежняя пора,
Опять девица, и невинной
Слывет такую ж, как была.

.....

Близнята снова улетают
 В воздушную страну, в волшебный мир назад,
 Короче — все пошло опять на старый лад.

Полученный Вастолою урок не проходит, однако, для нее бесследно, заставляя ее чувствовать угрызения совести за свою ветренность и повторять с горестью:

«О, бедная Вастола,
 И ты в Аркадии была!»

Таково содержание поэмы, не отличающееся замысловатостью фабулы. Относительно перевода должно сказать, что Люценко вообще держался близко к подлиннику, и лишь в двух местах находим отступления от него, принадлежащие перу самого переводчика. Так, рассказывая о полете Перфонтия на охапке хвороста, он говорит:

Так на Крестовском я недавно
 Бумажный видел метеор:
 Сей шар от денег вдруг поднялся вверх исправно
 И на Елагином далеком острове
 К всеобщей радости спустился на траву, —

причем издатель-Пушкин делает примечание: «Это прибавление переводчика от своего лица». Или, описывая наружность Перфонтия, Люценко добавляет от себя, что его герой

Копается в своей претолстой голове,
 Какую только лишь в Москве
 Или других больших столицах
 При древних князях и царицах
 Срывала на пирах с поджаренных быков
 Железная рука российских дюжакон.

Но Люценко в своем переводе совершенно уничтожил легкость немецкого подлинника, придав своим стихам тяжеловатость и грубость, так что стихи вроде следующих попадают сплошь и рядом:

Вастола, женихов следимая толпами; —

или

И тверже каменной осталася бумаги; —

далее, в описании наружности Перфонтия:

Огромный рот, на лбу скулы (!), как роги,
 В полфута уши, длинный нос...

Про старуху-мать рассказывается, что она

Не знала никогда покоя и в присядку (!)
Трескучую свою вертела самопрядку.

Про исчезновение волшебниц говорится:

С сим словом трех девиц присутствие исчезает.

Затем:

«Тише, тише!»
Вскрычала наша Псише; —

или слова Вастолы к Перфонтию:

«В пригожем этом лбе
Хотя немножко мозгу боле
Не непристало бы тебе» и т. п.

Как пример грубости выражений приведем также несколько мест перевода Люценко. В рассказе о том, как Вастола с Перфонтием плывут по морю в бочке, говорится, что при качке

Они руками и ногами
Премного делают проказ.
Царевнин ротик поминутно
В косынку нехотя зарыт,
Затем, что в шляпке сей уютной
На дюйм от рыла отстоит.

Про себя Перфонтий выражается:

«Ведь леший я, урод, фефиола и повеса,
Философ с длинными ушами и хвостом!»

По приведенным выпискам можно составить себе довольно ясное понятие о достоинствах перевода. Что касается других литературных трудов Люценко, то о них мы будем говорить ниже, а теперь представим краткий биографический очерк Ефима Петровича, пользуясь его автобиографией, формулярным списком, сообщенным нам из Департамента герольдии В. В. Руммелем, и некоторыми другими данными.

Ефим Петрович Люценко сын священника, родился 12 октября 1776 г., в селе Яновке Черниговской губернии. До 1791 г. он обучался в Черниговской духовной семинарии, затем в Благородном училище в Шклове, основанном в 1778 г. С. Г. Зоричем для бедных дворян, а в 1793 г. поступил в Московский университет. Произве-

денный 4 апреля 1799 г. студентом, Люценко, 11 мая того же года, несмотря на убеждения начальства остаться при университете для занятий словесностью, поступил в находившуюся близ Царского Села Практическую школу земледелия, вместе с другими семью студентами, вытребованными по высочайшему повелению в означенную школу. Практическая школа земледелия была учреждена 30 апреля 1797 г.¹ «для приведения домоводства в успешнейший порядок и надежнейшее устройство». «Для скорейшего постижения нужных для сего сведений» приказано было «брать питомцев императорского университета и воспитательных домов». Для школы было отведено место между Тярлевой деревней и домом протопресвитера Самборского и Московскою дорогою (близ Павловска, в двадцати четырех верстах от Петербурга, имение «Белозерки»). В школе содержались, на казенный счет, восемь студентов Московского университета, в числе которых был и Люценко. Первым начальником заведения был назначен софийский протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский, сам писатель по сельскому хозяйству, бывший тогда членом Экспедиции государственного хозяйства. В сентябре 1799 г. школа из ведения генерал-прокурора была передана в Удельное ведомство, а на место Самборского был назначен, 11 августа 1799 г., камергер Модест Петрович Бакунин. В конце 1803 г., по представлению Д. П. Трошинского, министра уделов, Александру I, школа, как требовавшая несоразмерных с ее пользою расходов, была закрыта².

В 1800 г., за успехи, оказанные в хозяйстве, Люценко был назначен помощником наставника хлебопашества, с производством в коллежские регистраторы, а 12 июля 1801 г. получил должность наставника хлебопашества. С закрытием школы, Люценко, оставшийся за штатом, определился в Департамент уделов (27 октября 1803 г.). Получив 1 января 1806 г. чин титулярного советника, он через месяц, оставаясь при Департаменте уделов, определен был товарищем непрременного секретаря в хозяйственное отделение Медико-филантропического комитета, откуда уволился 20 января 1809 г., а 16 июля утвержден столоначальником 1-го стола в Департаменте уделов. 8 августа 1811 г. Люценко был уволен по прошению от занимаемой должности и определился секретарем хозяйственного правления в

¹ Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 24. № 17946.

² Чеславский В. Первая земледельческая школа в России // Сельское хозяйство и лесоводство. 1870. Ч. 105. Сентябрь. С. 1—18.

Царскосельский лицей, куда в то время Пушкин держал вступительный экзамен¹. Но последняя служба Люценко была непродолжительна, ибо уже 20 августа 1813 г. он вышел из Лицея и определился столоначальником в общую канцелярию военного министра. В 1814 г. он состоял членом и хранителем библиотеки и архива Вольного экономического общества². Наконец, 22 января 1815 г. Люценко, оставаясь столоначальником, был причислен в штат Провиантского департамента комиссионером, а 13 января 1816 г., «по преобразовании канцелярии военного министерства», переместился в комиссию Санкт-Петербургского Провиантского депо членом, имея чин надворного советника.

На этом прерывается формуляр Люценко, сохранившийся в деле архива Департамента герольдии, в Месяцеслове на 1819 г. его уже нет в числе служащих в Провиантском департаменте. Мы не знаем, где продолжалась его служба, но знаем, что, дослужившись до чина статского советника, в 1843 г. он находился уже в отставке. Умер Люценко в Петербурге и похоронен на Смоленском кладбище, налево от входа. Из надгробной надписи видно, что он скончался 26 декабря 1854 г.³

На литературное поприще Люценко выступил в 1792 г., еще до поступления в университет, сотрудничая в журнале А. Г. Решетникова «Дело от безделья»⁴. Позже, в 1793 г., уже будучи студентом, он поместил в журнале того же Решетникова «Прохладные часы» несколько мелких стихотворений, написанных «на случай». Затем он сотрудничал в «Приятном и полезном препровождении времени»

---

¹ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 235.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ на 1814 год. С. 693.

³ Вместе с Люценко погребены: его жена Аграфена Ларионовна, ум. 30 ноября 1826 г.; сын его, статский советник Ефим Ефимович Люценко, нумизмат, ум. 18 мая 1888 г., на 78-м году (о нем см.: Ярославские губернские ведомости. 1866. № 3. С. 30); и дочь Анна Ефимовна Люценко, ум. 21 марта 1891 г. на 84-м году. Заметим кстати, в разъяснение сомнений «Земляка из-под Глухова», что Александр Ефимович Люценко, археолог, бывший с 1854 г. директором Керченского музея древностей и умерший 28 января 1884 г. в чине действительного статского советника, был действительно старшим сыном Е. П. и родился в 1807 г. (Дело архива Департамента герольдии).

⁴ См.: Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874. С. XLIX, и автобиографическая записка в материалах митрополита Евгения.

1794—1798 гг.¹, в 1-й части «Ипокрены» 1799 г. и в «Журнале для пользы и удовольствия» 1805 г. (ч. 1—4). Во всех этих изданиях Люценко поместил огромное количество стихотворных и прозаических пьес, оригинальных и переводных с древних и новых языков².

Из отдельно изданных в это время произведений Люценки вышли «Ода на всерадостное прибытие государя императора Павла Первого в Москву» (М., 1797) и «Благодарность его превосходительству, действительному статскому советнику и кавалеру, медицины доктору Самойловичу» (Николаев, 1804)³.

В 1795 г. Люценко, вместе с своим приятелем Александром Котельничским, издал книжку «Похищение Прозерпины, в трех песнях, наизнанку» (М., 1795). В предисловии к ней авторы говорят, что они решились издать этот «первый плод и произведение своей юности» потому, что видели успех «Энеиды» наизнанку г. О.⁴ и такой же «Энеиды» г. Н.⁵ Последний труд, говорят они, несмотря на его огромные недостатки, все-таки был принят очень благосклонно. Вот почему и они решились выступить с подобным же произведением.

Содержанием шуточной поэмы двух приятелей служит известный миф о похищении Прозерпины Плутоном. Церера, мать Прозерпины, представлена здесь в виде старой русской бабы, а сама Прозерпина — в образе русской девки. Описание как той, так и другой

¹ Заметим, что «С. Люценко», помещенный у Неустроева на той же XLIX стр., есть тот же Ефим Петрович.

² Кроме того, в «Журнале для милых» (1804. № 6, 8 и 9) был помещен, с подписью «Евф. Люценко», «перевод с французского языка» повести «Несчастный Ма—в». А между тем это есть не что иное, как дословная перепечатка рассказа А. И. Клушина, помещенного под тем же заглавием сначала в «Санкт-Петербургском Меркурии» (1793. С. 138—226), а затем изданного отдельно в 1802 г. под названием «Вертеровы чувствования, или Несчастный М. Оригинальный анекдот» (см. нашу статью о Клушине: Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. 8]: Ибак—Ключарев. С. 750—751).

³ Автобиографическая записка в материалах митрополита Евгения. В Публичной библиотеке этой оды нет. Вероятно, это перепечатка из «Прохладных часов» (1793. Ч. II. С. 430): «Стихи доктору Д. С. Самойлову за подарок книг». Кроме того, Г. Н. Геннади (Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. Берлин, 1880. Т. 2. С. 423) предполагает, что Люценке принадлежит «Ода на прибытие его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Константина Павловича в Черноморские училища, октября 1800», подписанная: «Черноморских училищ учитель словесностей Луценко». Но мы видели, что Е. П. служил в то время в Школе земледелия.

⁴ Т. е. Н. П. Осипова, изданную вместе с тем же А. Котельничским в 1791 г.

⁵ Этого перевода не указано ни у Сопикова, ни у Смирдина.

приноровлено к русскому быту. Прозерпина одевается в русское платье; охорашиваясь перед прогулкой, она, например, мочит голову квасом. Нимфам, с которыми Прозерпина отправляется в лес за грибами, даны русские имена, и т. п. Все это рассказано местами в очень грубой форме, местами же не без остроумия. Лучшие стихи принадлежат, вероятно, Котельницкому, который в 1802 г. удачно пародировал Вергилиеву «Энеиду».

Книжка имела успех, о чем свидетельствуют авторы в предисловии ко второму, «исправленному и дополненному» изданию Петра Ступина, вышедшему в Петербурге в 1805 г.

В 1796 г. в Москве был издан роман Дюкре-Дюмениля, в 4-х частях — «Яшенька и Жеоржетта, или Приключение двух младенцев, обитавших на горе». По свидетельству самого Люценко, ему принадлежит перевод второй части этого романа. В 1798 г. Люценко издал «Науку любить», вольный перевод с французской поэмы, напоминающей собою «*Arts amandi*» Овидия. Перевод сделан грубыми и неуклюжими стихами.

Литературная деятельность Люценко не ограничивалась только изящною словесностью, но касалась иногда и научных областей. Само собою разумеется, что научные интересы Люценко не отличались глубиной, а имели практический характер, находясь в прямой зависимости от рода его службы. Так, находясь в Практической школе земледелия, он занимался агрономией и участвовал в переводе с немецкого языка агрономического сочинения Бургсдорфа, напечатанного в Петербурге в 1801—1803 гг., под следующим заглавием: «Руководство к надежному воспитанию и насаждению иностранных и домашних дерев, которые в Германии, равномерно в средней и южной части России на свободе произрастают могут». Перевод делался под наблюдением директора школы — М. П. Бакунина. Позже, уже покинув Практическую школу земледелия, Люценко в 1806 г. издал свой, вероятно залежавшийся, перевод с французского «Собрания кратких экономических сочинений, основанных на практике и опытах лучших английских фермеров», с посвящением его английскому филантропу и агроному графу Финдлеру (Финдлеру)¹.

---

¹ Ранее, в 1802 г., Люценко поместил перевод с французского языка сочинения того же графа Финдлера «Замечание о умножении плодородия земли» в «Грудах Вольного экономического общества» (Ч. 54. С. 272—278).

В 1811 г., во время службы в Лицее, Люценко обратился уже к педагогике и издал «Полную новейшую французскую грамматику», в основу которой была положена система Мейдингера. Руководство это, посвященное графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву, имело успех и было введено в некоторых учебных заведениях, как о том свидетельствует сам Люценко в предисловии к переведенной и изданной им в 1818 г. «Французской грамматике Ломонда» с поправками француза К. К. Летелье и с собственными своими дополнениями.

Дальнейшая литературная деятельность Е. П. Люценко связана с «Вольным обществом любителей российской словесности». Это общество, носившее также название «Общество соревнователей просвещения и благотворения», было основано 17 января 1816 г. и составилось «из нескольких молодых любителей словесности, собиравшихся иногда читать между собою произведения свои»¹. С 1818 г. оно начало издавать свой журнал, получивший название «Соревнователь просвещения и благотворения», или «Труды высочайше утвержденного вольного общества любителей российской словесности». Ближайшею целью общества было «иметь приуготовительные и публичные собрания, читать в оных сочинения и переводы членов, издавать сии труды в журнале и обращать получаемый с того доход на благотворения², то есть на постоянные и временные пособия нуждающимся литераторам, ученым, художникам, а также их вдовам и сиротам и даже учащимся в учебных заведениях. Кроме выручки от журнала общество постоянно получало пожертвования от лиц, преданных делу благотворения. Отчеты в расходуемых суммах печатались время от времени в «Соревнователе». «По характеру своих тенденций, по связям с масонскими ложами и по лицам, его составляющим, — говорит А. Н. Пыпин, — это общество, по-видимому, было как бы посредствующим звеном между Библейским обществом и либеральными стремлениями молодого поколения»³. И действительно, со временем членами общества становятся такие лица, как Пушкин, Батюшков, князь П. А. Вяземский, братья Тургеневы, Кюхельбекер, Рылеев, братья Бестужевы и многие другие.

---

¹ Сын отечества. 1818. Ч. 43. С. 266.

² Там же.

³ Пыпин А. Н. Российское библейское общество // Вестник Европы. 1868. № 9. С. 251.

Избранный действительным членом общества в первый же день его существования¹ и являясь, таким образом, одним из его учредителей, Люценко вначале принимал деятельное участие в литературных собраниях членов. Первое время он был даже и председателем общества, из протоколов которого, хранящихся в архиве Академии наук², видно, что Люценко в течение 1816—1818 гг. весьма часто выступал с чтением своих произведений, как в стихах, так и в прозе. Из них назовем: «Царь Иван Васильевич Грозной на звериной охоте», историческая повесть в прозе (1816), «Чеслав», эпический опыт в стихах (1816)³; «Полезность просвещения и благотворения» — дидактическое стихотворение (1817)⁴; «Буриевой и Ульмила», эпический опыт в стихах (1818)⁵ — «древнее происшествие»; «Церна, княжна Черногорская», древнее предание (1818)⁶ и т. п. Люценко в первые годы существования общества был избираем цензором поэзии, членом цензурного комитета и «исполнителем». Но в последующее время он только числился членом общества, имя же его не встречается ни на страницах «Соревнователя», ни в списках должностных лиц общества.

Отказавшись от сотрудничества в «Соревнователе», Люценко не прекратил, однако, своих литературных занятий и в 1819 г. напечатал в Петербурге свой перевод с немецкого известного сочинения Иоанна Масона «О познании самого себя». Этим переводом он надеялся заменить перевод того же сочинения, изданный И. П. Тургеневым в 1783 г. и отличающийся, по его словам, «темнотами в смысле» и «наполненный погрешностями». Перевод Люценко снабжен краткими примечаниями, и некоторые из них, в виде сентенций самого переводчика, изложены в стихах.

---

¹ Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 24. С. 294.

² Извлечения из них обязательно сообщены нам Л. Н. Майковым.

³ «Чеслав», как видно из автобиографии Люценко, написан был еще в 1806 г.; содержанием его служит историческое предание из времен Святослава. «Чеслав» был напечатан в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1818. № 2. С. 226—246) и вышел отдельной книжкой в С.-Петербурге в том же году.

⁴ Напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1819. Ч. 7. С. 68—74).

⁵ Напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1818. Ч. 3. С. 59—87).

⁶ Напечатано было в «Приятном и полезном препровождении времени» (1795. Ч. 8. С. 244—250).

Трудясь над переводом сочинений Иоанна Масона, Люценко готовял и «Потерянный и возвращенный рай» Мильтона, руководствуясь при этом одним из позднейших французских переводов, исправленных сообразно с английским подлинником. К 1821 г. перевод Люценко был уже готов, но в печати появился только в 1824 г., с посвящением графу Александру Григорьевичу Кушелеву-Безбородко. В своей статье «Нечто о достоинстве и прежних переводах Потерянного и возвращенного рая», предпосланной самому переводу, Люценко рассказывает судьбу создания Мильтона после смерти его автора, причем замечает, что «Мильтон в христианстве есть почти то, что Гомер — в язычестве», и отдает преимущество первому, потому что «он воспевал нашего Бога, тогда как Гомер — языческих богов, чуждых нашему сердцу». Относительно переводов «Потерянного рая» на русский язык Люценко коворит, что как перевод 1780 г., издававшийся еще в 1785 и 1801 гг., так и перевод 1795 г., переизданный в 1810 г., — неудовлетворительны; особенно второй, «наполненный схоластическим смешением важных первобытных славянских слов с языком последующих веков и с простонародными выражениями». Перевод 1820 г. также совершенно не удовлетворяет Люценко. Обращаясь к собственному труду, он замечает: «...я не держался рабским образом от слова до слова подлинника, но в некоторых местах, где поэт упадает, старался его возвысить благороднейшими (!) выражениями и, по возможности, уравнивал хотя единственный, но часто трудный и шероховатый путь его». Перевод Люценко в некоторых местах снабжен пояснительными примечаниями его собственного издания и, часто не относящимися к делу, сентенциями в прозе и стихах.

В это же время Люценко занимался исправлением, по рукописи, перевода Г. Шиповского, который еще в 1805 г. издал Фенелоновы «Странствования Телемака». Новое издание, украшенное гравюрами, с прибавлением жизнеописания Фенелона и примечаний, вышло в Петербурге в 1822 г. и было посвящено графу Д. Н. Шереметеву.

Из автобиографической записки Люценко видно, что кроме перечисленных трудов ему принадлежали еще следующие, оставшиеся в рукописях: «Избранные места и краткие поэмы из лучших древних и новых иностранных писателей, стихами»; «Воспитание, поэма в 4-х песнях, с французского, из 9-й части изданного на французском языке г. Доратом собрания Героид»; «Сельская экономия для дам, часть 1-я, с чертежом» и «Систематическая выписка из 24-х частей

„Трудов Санкт-Петербургского Императорского Вольного экономического общества“», членом которого Люценко состоял с 1808 г.¹ Сверх того, в своей автобиографической записке, Люценко указывает еще на изданный им в Москве перевод «Путешествия в Азиатскую Грецию», неизвестный по каталогам.

Обозревая литературную деятельность Е. П. Люценко, можно сказать, что хотя он и принадлежал к числу довольно образованных людей своего времени, но лишен был как авторских дарований, так и литературного вкуса, включая сюда и способность владеть родным языком. Писал и переводил он много, но все его труды были совершенно лишены всякой оригинальности и притом носили случайный характер, зависевший иногда от той жизненной обстановки, в которой находился Люценко. Деятельность его была до такой степени бесцветна, что ее нельзя подвести ни под одно из господствовавших у нас литературных направлений. Таким образом, Пушкин, называя Люценко «литератором заслуженным», без сомнения имел в виду только его плодовитость.

Неосторожный поступок Пушкина, связавший его славное имя с ничтожным именем переводчика «Вастолы», исключительно объясняется порывом благородной и доброй души, желавшей помочь бедняку, который, кроме того, если верить словам Плетнева, был некогда и учителем великого поэта.

1898

---

¹ Труды Вольного экономического общества. 1808. Ч. 60. С. VII.